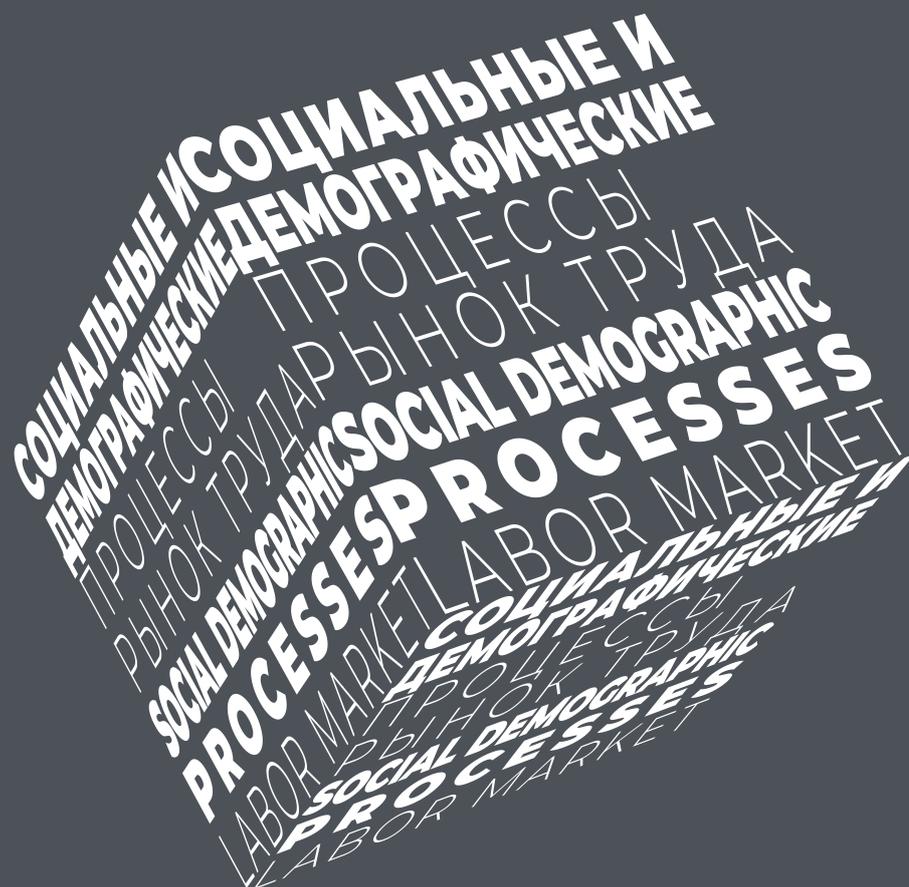

19/23

ПРЕПРИНТЫ

В. С. Малахов, Д. Э. Летняков, Н. А.
Кокоева, А. С. Мотин, Д. О. Тимошкин

**СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ МИГРАНТЫ В
РОССИИ: СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Малахов В.С., Летняков Д.Э., Кокоева Н.А., Мотин А.С.,
Тимошкин Д.О.

Среднеазиатские мигранты в России: стратегии адаптации

Препринт

Москва 2023

ИСПОЛНИТЕЛИ:

Малахов Владимир Сергеевич, доктор политических наук, профессор, директор Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС, malakhov-vs@ranepa.ru

Летняков Денис Эдуардович, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС, letnyakov-de@ranepa.ru

Мотин Александр Сергеевич, младший научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС, motin-as@ranepa.ru

Кокоева Надежда Анатольевна, младший научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований ИОН РАНХиГС, kokoiti.nadezhda@yandex.ru

Тимошкин Дмитрий Олегович, младший научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований ИОН РАНХиГС, dmtrtim@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Несмотря на широко распространенное в российском обществе отношение к мигрантам из Средней Азии как к «гостевым работникам», временной рабочей силе, значительная их часть живет в России на постоянной основе. Часть из них является обладателями российского паспорта, часть имеет вид на жительство или разрешение на временное пребывание, а часть не имеет урегулированного правового статуса. Большинство из них практически не покидает российской территории, навещая родину один раз в год на один-два месяца и снова возвращаясь на место своего пребывания в России. В отличие от своих соотечественников, делающих ставку на циркулярную миграцию, это люди, прочно связавшие свою судьбу и судьбу своих детей с нашей страной. Однако стратегия их поведения не всегда может быть описана в категориях «интеграции». Во многих случаях более адекватной категорией описания является «транснационализм». Последний предполагает поддержание интенсивных связей в двух социальных пространствах одновременно – как страны происхождения, так и принимающей страны. В настоящей работе проводится обзор актуальной литературы, посвященной среднеазиатской миграции, транснационализму, проблеме адаптации мигрантов, а также предлагаются результаты собственных исследований стратегий адаптации мигрантов из Средней Азии в России.

Ключевые слова: мигранты из Центральной Азии, интеграция, адаптация, транснационализм, мигрантские сообщества, идентичность

ABSTRACT: Despite the widespread attitude towards migrants from Central Asia as “guest workers”, a significant part of them de facto live in Russia permanently. Some of them are holders of a Russian passport, some have a residence permit or temporary residence permit, and some do not have a regulated legal status. Most of them hardly ever leave Russian territory, visiting their homeland once a year for one or two months and returning again to their place of residence in Russia. Unlike their compatriots who make a choice of circular migration, these are people who have firmly linked their life and the life of their children with Russia. However, their strategy cannot always be described in terms of “integration.” In many cases, a more adequate category of description is “transnationalism.” The latter involves maintaining intensive interactions in two social spaces simultaneously, both in the country of origin and in the host one. This paper reviews actual academic literature on Central Asian migration, transnationalism, the problem of adaptation of migrants, and also offers the results of our own research into the adaptation strategies of migrants from Central Asia in Russia.

Keywords: Central Asia migrants, integration, adaptation, transnationalism, migrant communities, identity

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
1. Среднеазиатская миграция как предмет междисциплинарного научного анализа	7
2. Среднеазиатская миграция и евразийская интеграционная система.....	9
3. Адаптация мигрантов в зеркале современной теоретической литературы.....	13
4. Стратегии поведения среднеазиатских мигрантов в России: между транснационализмом и интеграцией.....	18
Заключение.....	29
Список использованных источников.....	33

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Начиная со второй половины 2010-х годов в российском официальном дискурсе периодически звучит мысль о том, что миграцию из стран Центральной Азии следует рассматривать не столько в контексте заполнения лакун на рынке труда, сколько в контексте компенсации убыли населения. Тем самым формулируется задача привлечения в Россию выходцев из данного региона с целью расселения (что в корне отлично от временной трудовой миграции). Правда, политическая установка на либерализацию иммиграционной политики не сопровождается достаточной юридической поддержкой. Миграционное законодательство в целом по-прежнему выдержано в ограничительной логике. Как бы то ни было, значительная часть среднеазиатских мигрантов де факто инкорпорирована в российское общество. Речь идет о значительном количестве людей (достоверная статистика отсутствует), живущих в России на постоянной основе. Многие из них практически не покидают российской территории (в силу риска оказаться в «черных списках» с последующим закрытием въезда), другие навещают родину один раз в год (или реже) на один-два месяца, снова возвращаясь на место пребывания в России. В отличие от своих соотечественников, делающих ставку на циркулярную миграцию, это люди, прочно связавшие свою судьбу с нашей страной. Однако стратегия их поведения не всегда может быть описана в категориях «интеграции». Во многих случаях более адекватной категорией описания является «транснационализм». Последний предполагает поддержание интенсивных связей в двух социальных пространствах одновременно – как страны происхождения, так и принимающей страны. Мигрантский транснационализм принимает различные формы: от работы по найму до ведения мелкого и среднего бизнеса с использованием ресурсов в стране исхода. В этой связи мы видим основную цель исследования в том, чтобы провести анализ поведенческих

стратегий среднеазиатских мигрантов, а также рассмотреть текущие тенденции в рамках евразийской миграционной системы.

Для достижения поставленной цели реализуются следующие задачи:

(а) Продемонстрировать общую динамику временной и долгосрочной миграции из Центральной Азии в Россию;

(б) Классифицировать общественную активность среднеазиатских мигрантов в крупных российских городах на предмет их соответствия двум идеальным типам: интеграции и транснационализму.

(в) Проанализировать, существуют ли противоречия между установками на интеграцию и ориентацией на страну происхождения в общественных практиках среднеазиатских мигрантов, или же эти две установки могут быть комплементарны друг другу.

Специфика настоящего НИР по сравнению с другими проектами, реализованными в данной области, заключается в переносе фокуса внимания с экономических и демографических аспектов среднеазиатской миграции на социальные, социокультурные и социально-психологические ее аспекты. С этой целью мы обращаемся к анализу соцсетей граждан Кыргызстана и Таджикистана, вовлеченных в трудовую миграцию в Россию, а также проводим глубинные интервью с гражданами этих государств.

1. Среднеазиатская миграция как предмет междисциплинарного научного анализа

В исследования миграций традиционно вовлечены представители самых разных дисциплин – социологии, демографии, экономической социологии, социальной и культурной антропологии, социальной географии, политологии, правоведения и т.д. В последние три десятилетия в англоязычном и в последние полтора-два десятилетия в русскоязычном академическом поле эти исследования сложились в отдельное направление – «миграционные исследования», *migration studies* [1]. При этом исходная дисциплинарная принадлежность того или иного специалиста не всегда поддается определению, а зачастую утрачивает значимость. Дело здесь не только в условности разграничений между дисциплинами, число которых постоянно растет (например, «городские исследования» – *urban studies* или «исследования границ» – *border studies* – стали претендовать на самостоятельность сравнительно недавно). Дело заключается также в том, что выделенная нами предметная область по определению требует междисциплинарного подхода, и, обращаясь к исследованию миграционного феномена, исследователи, так сказать, обречены на междисциплинарность. В результате накопленный объем публикаций, которые могут быть отнесены к миграционным исследованиям, столь велик, что практически не поддается обзору (общий взгляд на состояние международной научной литературы см.: [2])

Растет и количество работ, посвященных изучению среднеазиатской миграции. В *англоязычном пространстве* таких работ до недавнего времени было сравнительно немного, что во многом объясняется периферийностью данного региона для западных исследователей. Среднеазиатская миграция обычно попадала в фокус их внимания в более широких контекстах – таких, в частности, как проблемы безопасности, связанные со сменой геополитической конфигурации в 1991-92 гг., с феноменом транснационального ислама или с проблемами нациостроительства в регионе после распада СССР. Однако во второй половине 2010-х годов появляется все больше исследований, непосредственно посвященных среднеазиатской миграции. Контексты, в которых ученые обращаются к данному предмету, различны – от методологических аспектов изучения среднеазиатской миграции [3] до социально-антропологического ее измерения [4].

Определенный вклад в международный корпус литературы по среднеазиатской миграции вносят российские исследователи, печатающиеся в англоязычных периодических изданиях и коллективных монографиях [5; 6; 7]¹.

¹ Зачастую эти публикации представляют собой английские переводы статей, вышедших чуть ранее в российских журналах.

В *российском и русскоязычном*² *научном пространстве* устойчивый интерес к изучению среднеазиатской миграции наметился в 2010-ые годы, хотя отдельные публикации такого рода появлялись и ранее [8]³. Тон исследованиям задали пионерские работы С. Абашина о феномене среднеазиатской миграции в глобальном контексте и о транснациональных практиках среднеазиатских мигрантов [9], О. Бредниковой и О. Ткач о специфике социальной и географической мобильности выходцев из Средней Азии [10], В. Дятлова и К. Григоричева о мигрантских рынках в сибирских городах [11], Е. Варшавера и А. Рочевой об «этнических кафе» в Москве [12]. Эти исследования позволили академическому сообществу сформировать достаточно объемное представление о формах и способах интеграции среднеазиатских мигрантов в российское общество. Немалую значимость в данном контексте имели также публикации Е. Деминцевой «мигрантских школах» [13], Е. Деминцевой и Д. Кашницкого о «киргизских клиниках» в российских мегаполисах [14], Е. Деминцевой и В. Пешковой о паттернах расселения среднеазиатских мигрантов [15], а также Д. Полетаева и членов его коллектива о гендерных аспектах среднеазиатской миграции в Россию [16].

На настоящий момент сформирован значительный корпус литературы о мигрантской инфраструктуре в российских городах [17; 18], о социальном и культурном взаимодействии поверх границ между странами Средней Азии и Россией [19], о формируемых среднеазиатскими мигрантами социальных сетях [20]. Наконец, следует упомянуть исследования об «этнической экономике», в которых прямо или косвенно идет речь и трудовых мигрантах из Средней Азии [21], а также о месте среднеазиатских мигрантов на российском рынке труда [22].

² Мы имеем в виду работы исследователей из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, выходящие на русском языке.

³ Ирине Ивахнюк российские исследователи обязаны введением в научный оборот понятия «евразийская миграционная система» (а также понятия «центральноазиатская миграционная подсистема»).

2. Среднеазиатская миграция и евразийская интеграционная система

Сама концепция миграционной системы предлагает смотреть на миграцию как на процесс, в котором задействована и отправляющая, и принимающая сторона, и который оказывает влияние равным образом на страны исхода и на страны назначения. На сегодняшний день в рамках евразийской миграционной системы можно выделить Россию и Казахстан как две главные страны, выступающие точками притяжения миграционных потоков. Хотя разрыв между ними достаточно большой – если в допандемийный 2019 г. в Казахстане, по экспертным оценкам, работало около 1 млн. иностранных граждан, то в том же году в России только по официальным данным МВД находилось около 4 млн. иностранных рабочих⁴ [23; 24]. Главными донорами рабочей силы для Казахстана и России остаются Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан.

Среди основных факторов, способствующих формированию евразийской миграционной системы, можно выделить общее историческое прошлое постсоветских государств, сохранение русского языка как важного средства коммуникации, разницу в уровне экономического благосостояния (ВВП на душу населения в Таджикистане более чем в 7 раз ниже российского показателя; средняя зарплата в Таджикистане и Киргизии примерно в 3,5 раза ниже, чем в России [23]), расхождение демографических трендов (в России население устойчиво сокращается, в странах Центральной Азии – растет быстрыми темпами), наличие безвизового режима между государствами-участниками евразийской миграционной системы.

Можно говорить о взаимной выгоде стран евразийской миграционной системы – принимающим странам миграция помогает справиться с дефицитом рабочей силы, в т.ч. решить проблему нехватки рабочих рук в «непрестижных» отраслях экономики, а также поддержать конкурентоспособность бизнеса за счет дешевой рабочей силы. В свою очередь, отдающим странам миграция, напротив, помогает избавиться от избыточных трудовых ресурсов, тем самым сократить масштабы безработицы, также миграция способствует экономическому развитию стран исхода за счет денежных переводов мигрантов, которые в Таджикистане и Кыргызстане по разным оценкам доходят до 30-40% ВВП.

В то же самое время при обсуждении феномена миграции часто поднимается вопрос о так называемой нелегальной (в более корректной терминологии – «недокументированной») миграции. Речь идет о ситуации, когда иностранные работники находятся в принимающей стране без разрешения на пребывание там, либо же они ведут трудовую деятельность без законных оснований (отсутствие разрешения на работу,

⁴ Эти цифры учитывают только тех мигрантов, которые видны для статистики, поскольку встали на миграционный учет с целью «работа».

оформленного патента и так далее). По данным исследовательского коллектива под руководством В.И. Мукомеля, в 2020 г. примерно треть трудовых мигрантов в России либо не имели документов на занятие трудовой деятельностью, либо не имели разрешения на пребывание в России. Еще больше – примерно половина трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана – в тот же период были заняты в неформальном секторе экономики (к примеру, у мигранта может быть оформленный патент, однако работает он по устной договоренности с частными лицами: занимается ремонтом, работой на приусадебных участках и так далее). Для самих мигрантов главная проблема такого неформального статуса – это отсутствие правовой и социальной защищенности, для российской экономики – это, прежде всего, не попадающие в бюджет налоги и сборы. Важный момент заключается в том, что уход «в тень» – это, как правило, реакция на сложность процедуры легализации в принимающей стране; статистика показывает, что ослабление контроля и карательных мер со стороны государства способствует выходу мигрантов из теневого сектора экономики [25].

Значительный рост российской экономики в 2000-е гг. привел к тому, что уже к середине указанного десятилетия в России ежегодно находилось, по разным оценкам, от 2 до 3,5 млн. трудовых мигрантов из Средней Азии [26]. (Большой разброс в статистике связан с тем, что значительная часть мигрантов принадлежит к категории так называемых «недокументированных». В этой ситуации основным источником информации часто выступают экспертные оценки). В последующие годы миграционный поток из Центральной Азии в Россию демонстрировал тенденцию к росту, достигнув в первой половине 2010-х гг. цифры в 1,3-2,1 млн. для граждан Узбекистана, 626-985 тыс. для граждан Таджикистана, 240-520 тыс. для граждан Кыргызстана (мы приводим минимальную и максимальную оценки) [27]. В переводе на относительные величины это будет означать, что в Узбекистане стратегию трудовой миграции в Россию выбирало для себя от 9,1 до 11,4% трудоспособного населения, в Таджикистане – от 25 до 46,6%, в Кыргызстане – от 13 до 28,4% [27]. На протяжении всех 2010-х гг. миграционные потоки в целом продолжали расти (хотя этот рост не был линейным по своему характеру) – количество иностранных граждан, имевших постоянную или временную регистрацию в Российской Федерации, увеличилось с 60 тыс. в 1 квартале 2010 г. до 200 тыс. в 4 квартале 2019 г. От 90 до 97% из них были гражданами СНГ, преимущественно из Средней Азии [28].

Пандемия COVID-19, пришедшая в евразийский регион в 2020 г., серьезно повлияла на миграционные потоки. Как и в других регионах мира, она привела к ограничению свободы передвижения людей, прекращению транспортного сообщения между государствами, локдауну в отраслях экономики с высокой занятостью среди мигрантов

(общепит, строительство, розничная торговля и так далее). В этой ситуации часть трудовых мигрантов из Средней Азии была вынуждена покинуть Россию или отказаться от первоначальных планов приехать в нашу страну. В 1 квартале 2020 г. миграционный прирост в России был на 38% ниже, чем годом ранее. В двух последующих кварталах данная тенденция продолжилась [28]. В самих центральноазиатских странах описанная тенденция привела к дополнительному давлению на рынок труда и росту социальной напряженности. Например, в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана около 70% вернувшихся мигрантов не смогли найти работу [29].

Еще одним вызовом для сложившейся евразийской миграционной системы стал начавшийся фактически сразу после пандемии украинский конфликт. Ряд экспертов прогнозировал серьезный отток трудовых мигрантов из Центральной Азии после начала СВО. Определенные тенденции такого рода фиксировала и статистика – так, в первом квартале 2022 года из России в Таджикистан, согласно данным Министерства труда, миграции и занятости населения этой страны, вернулись 60 337 таджикских мигрантов, что в 2,6 раза больше по сравнению с аналогичным периодом 2021 года [30]. Среди возможных факторов называлась девальвация рубля, делающая менее выгодной работу в России, трудности с переводом денег на родину, общее ухудшение экономического положения в России, нежелание людей находиться в воюющей стране, угроза призыва для мигрантов с российским гражданством после объявления частичной мобилизации и т.д. Угроза значительного оттока мигрантов сохраняется, однако по-настоящему массовым это явление пока не стало. В целом за 2022 г. миграционные потоки в Россию оказались примерно на 25% выше по сравнению с ковидными 2020-21 гг. (хотя по-прежнему на 15% ниже 2019 г.).

Среди тенденций последних лет можно констатировать устойчивый рост граждан среднеазиатских государств в общем числе иностранных рабочих в России – в 2022 г. 83% всех трудовых мигрантов в РФ были выходцами из Центральной Азии (в 2019 г. эта цифра составляла 74%), что во многом объясняется радикальным падением въезда на заработки в Россию граждан Украины, Молдовы (с 2019 г. падение в 5 раз), Азербайджана (падение в 2 раза за тот же период) и Армении (падение на 40%) [31].

Таким образом, можно констатировать растущую зависимость российского рынка труда от мигрантов из Средней Азии. В то же время сами выходцы из центральноазиатского региона демонстрируют все большую склонность к диверсификации своих миграционных маршрутов. Россия медленно, но неуклонно утачивает монопольное положение страны назначения в глазах граждан Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Эксперты говорят о том, что все больше таджикских мигрантов ищут работу в Европе. Аналогичная картина мы наблюдаем в Узбекистане, который в мае 2023 г. впервые вошел в число стран-лидеров по

количеству сезонных рабочих в Великобритании [32]. Другие конкурирующие с Россией направления – это Турция, ОАЭ, Южная Корея и Казахстан.

3. Адаптация мигрантов в зеркале современной теоретической литературы

Проблематике адаптации мигрантов посвящено гигантское количество литературы. Как правило, эта проблематика рассматривается в более широком контексте – контексте интеграции. Если адаптация предполагает лишь приспособление новоприбывших к новым условиям (в том числе не нацеленное на постоянное проживание в стране назначения), то интеграция – их инкорпорирование, включение в жизнь принимающего общества. В англоязычном пространстве обобщающие публикации на эту тему относятся к концу прошлого – началу нынешнего столетия [33; 34]⁵, в русскоязычной литературе – к 2010-м годам [35; 36]. За истекший период российские исследователи далеко продвинулись в изучении данного феномена.

В теоретической литературе принято выделять следующие измерения интеграции и, соответственно, интеграционной политики: культурная, структурная, социальная, интеграция.

Меры *культурной интеграции* призваны содействовать процессу овладения иммигрантами языком и культурой принимающего общества. Среди прочего подобные меры предполагают обязательные (часто бесплатные) языковые курсы для мигрантов, а также создание специальных курсов по адаптации.

Структурная интеграция мигрантов подразумевает меры, связанные с получением гражданства (или какого-либо другого официального статуса пребывания), регулированием рынка труда и обеспечением мигрантов доступом к нему, регулированием образовательной системы, а также политику, связанную с расселением мигрантов и их социальным обеспечением.

Социальная интеграция иммигрантов предполагает формирование социальных связей между иммигрантами и населением принимающего государства. Действия в рамках социальной интеграции необходимы для установления благожелательных отношений между мигрантским и принимающим населением в том числе для предотвращения конфликтов, связанных с разного рода нетерпимостью, ксенофобией.

Действия в рамках *идентификационной интеграции* представляют собой меры, целью которых является влияние на сознание, представления мигрантов, способствующие усилению их идентификации с принимающей страной. Решающая роль здесь принадлежит системе образования, а также средствам массовой информации.

⁵ Мы имеем в виду академическую литературу по интеграции мигрантов в Европе – в Северной Америке такая литература появляется уже в конце 1980-х годов.

Значительный вклад в изучение адаптации и интеграции мигрантов в России внесли недавние исследования под руководством В. И. Мукомеля и К. С. Григорьевой [37]. Они среди прочего продемонстрировали следующее.

Одной из наиболее сложных сфер политики по интеграции является адаптация и *интеграция мигрантов на рынке труда*. Рынок труда – ключевая сфера интеграции, жизненно важная как для самих мигрантов, так и для принимающего общества. Существует ряд проблем, которые затрудняют изучение процессов трудовой миграции в России. Во-первых, российское теоретическое осмысление трудовой миграции и прикладные исследования по этой теме серьезно отстают от западных исследований. Во-вторых, статистика не всегда находится в удовлетворительном состоянии, что значительно ограничивает возможности для анализа. В-третьих, порой отсутствует базовая информация о процессах миграции, что не позволяет судить о репрезентативности социологических опросов. В-четвёртых, ограниченные финансовые ресурсы привели к локализации исследований и/или относительно небольшим выборкам, которые не позволяют делать достоверных выводов.

Основная мотивация приезда мигрантов в Россию – это, конечно же, работа. Трудовые иммигранты занимаются различными видами экономической деятельности, основными среди которых являются оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспорта и бытовых изделий, строительство, коммунальные, социальные и персональные услуги, домашние хозяйства, гостиницы и общественное питание, транспорт и связь. На иные виды экономической деятельности приходится менее 15,0% работающих мигрантов.

Примечательно, что заработки мигрантов соразмерны оплате труда в среднем по России, хотя в крупных городах они могут быть несколько ниже среднего регионального дохода. В то же время среди мигрантов доля работников с низким уровнем заработной платы в полтора раза меньше, чем среди российских граждан.

Трудовая деятельность в России не только позволяет мигрантам реализовывать их персональные жизненные стратегии, но и способствует их адаптации к российским реалиям как никакая другая сфера общественной жизни. В то же самое время нельзя не отметить, что неформальная занятость напротив препятствует социальной адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество. Таким образом, снижение неформальной занятости иностранных работников должно стать одной из главных целей миграционной политики в РФ. Как показывает практика, одна из самых действенных мер по борьбе с неформальной занятостью – это упрощение процедуры оформления документов. Чем более сложные и непрозрачные юридические процедуры, тем более они оказываются «коррупциозными» и

тем меньше находится желающих проходить их, соответственно, возрастает соблазн уйти «в тень».

Также одним из ключевых индикаторов интеграции мигрантов в принимающей стране является *доступ к жилью*. В исследовании, проведенном в 2020 г., авторы указанной монографии попытались измерить влияние гражданства потенциальных квартиросъемщиков на доступ к качественному и низкокачественному жилью в Москве. Выяснилось, что доступ разных групп мигрантов к жилью значительно варьируется. Только граждане Белоруссии и Украины имеют широкие возможности выбора на рынке аренды московского жилья. Возможности других групп мигрантов более или менее ограничены – в частности, большую роль играют негативные стереотипы в отношении выходцев из Центральной Азии и региона Закавказья, предвзятое отношение к ним, бытовая ксенофобия.

Говоря о результатах интеграции, стоит отметить, что во всех странах, принимающих мигрантов, одним из важнейших показателей успешности интеграции является статистика *натурализации*.

В настоящее время в России существует три официально закрепленных статуса иностранцев: временно пребывающие, временно проживающие (имеющие разрешение на временное проживание – РВП), постоянно проживающие (получившие вид на жительство – ВНЖ). Однако данные статусы зачастую могут не совпадать с фактическим положением дел. Например, мигранты могут сохранять статус временного проживания, но на самом деле годами жить в России. Одним из мотивов оформления РВП, ВНЖ или гражданства может служить желание мигрантов избежать необходимости получения множества разрешительных документов для пребывания на территории РФ и для легального доступа на рынок труда, однако доля таких не слишком велика.

Наиболее важным индикатором успешной интеграции является доля мигрантов, имеющих ВНЖ и оформивших гражданство. Разрешение на временное пребывание чаще может использоваться иностранцами, которым необходим патент для работы в России, как средство для преодоления барьеров при вхождении на российский рынок труда, в то время как обладатели ВНЖ в большинстве случаев намерены в дальнейшем получить российское гражданство.

Важную роль в интеграции также играет *доступность образования*, что является составляющей как структурной, так и социальной интеграции. По данным опросов лишь 15-16% респондентов-мигрантов проживают в России с несовершеннолетними детьми. Формальная сторона дела состоит в том, что школьное образование доступно для детей-мигрантов: согласно российскому законодательству даже если дети не имеют российского гражданства, они имеют право посещать школу. При этом респондентами-учителями,

работающими с мигрантами, отмечается востребованность в школах учителей, преподающих русский язык как иностранный (многие дети-мигранты к моменту прихода в школу не знают русский язык в объеме, необходимом для усвоения школьной программы; детям, не знающим русский язык, требуется как минимум год, чтобы не только научиться осваивать программу, но и начать хоть немного коммуницировать с одноклассниками), а также психологов (порой возникают сложности с адаптацией детей-мигрантов к школьной жизни, что нередко связано с ксенофобией со стороны школьного окружения; кроме того, переезжая в Москву и Московскую область, дети некоторых мигрантов могут долгое время находиться вне детского коллектива, в том числе по инициативе родителей). Кроме того, детей из мигрантских семей с большими трудностями берут в «престижные» школы, пользующиеся в районе хорошей репутацией. Все же несмотря на все трудности, которые возникают при включении детей-иностранцев в российскую систему образования, мигранты, которые посещали образовательные организации в России, имеют лучший интеграционный потенциал, чем их родители, приехавшие сюда в зрелом возрасте.

Доступ к здравоохранению также является важной составляющей интеграционного процесса. Введение права иностранных работников из стран ЕАЭС на оформление полиса ОМС формально открыло доступ к медицинской помощи в России для иностранцев указанной категории. Однако возможность бесплатного обращения к врачу не всегда применяется на практике даже в тех случаях, когда у иммигрантов появляется для этого срочная необходимость. Так, чуть больше половины опрошенных в рамках исследования 2020 года респондентов имели какую-либо медицинскую страховку (ОМС или ДМС), в то время как около 41% опрошенных заявили о том, что у них нет вообще никакого полиса медицинского страхования.

Проблема доступа мигрантов к медицинским услугам в России, а также причины, по которым они не обращаются за медицинской помощью в государственные учреждения здравоохранения, поднимается, в частности, в статье Екатерины Деминцевой и Даниила Кашницкого «Лечиться у "своих", лечить "своих". Роль "киргизских клиник" в жизни среднеазиатских мигрантов в Москве» [38]. Как показывает данное исследование, социокультурный фактор для мигрантов является важным барьером в вопросе получения медицинской помощи. Мигранты, среди прочего, могут опасаться бытовой ксенофобии, а также непривычных для себя условий лечения, которые могут противоречить их культурным нормам (например, проблему может представлять осмотр женщин-мусульманок врачами-мужчинами). Спрос рождает предложение, в результате в Москве в настоящий момент существует более двух десятков так называемых «киргизских клиник». Это частные медицинские учреждения, официально зарегистрированные в России, во главе

которых стоят выходцы из Кыргызстана. Докторами также являются выходцы из Кыргызстана, вне зависимости от того, есть ли у них российское гражданство. Действующие сегодня в Москве «киргизские клиники» занимают лидирующую позицию в области медицинского обслуживания мигрантов, прежде всего из стран Средней Азии.

4. Стратегии поведения среднеазиатских мигрантов в России: между транснационализмом и интеграцией

Сегодня в миграционных исследованиях существует точка зрения, согласно которой концепция «интеграции» оказывается недостаточной для описания стратегии поведения мигрантов. Категория интеграции оказывается неспособной описать весь репертуар жизненных стратегий, установок мигрантов, их лояльностей и идентичности. Поэтому более продуктивной представляется обратиться к теории транснационализма.

Транснационализм как теория берет свое начало во второй половине XX в. Его появление связано, прежде всего, с изменениями, происходившими в это время в экономической сфере: транснациональные компании, движение капитала и людей в условиях глобализации изменили пространственное измерение экономических и политических процессов, размыли границы национальных государств. Исследование транснационализма применительно к миграционным процессам начинается лишь в последнем десятилетии прошлого века в работах Нины Глик Шиллер, Кристины Бланк-Зантон и Линды Баш. В рамках этой парадигмы транснационализм понимается как «социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие географическую, культурную и политическую границы» [39]. Иными словами, трансмигранты живут одновременно в двух местах – принимающем и отправляющем сообществе, поэтому оказывают влияние на экономику, политику, социальную сферу, формируют собственную идентичность во взаимодействии с более чем одним национальным государством.

В сборнике статей «“Жить в двух мирах”: переосмысливая транснационализм и транслокальность» [40] транснационализм представлен как новый подход к изучению миграционных процессов, как попытка преодолеть методологический национализм, согласно которому границы национальных государств являются чем-то заданным и фиксированным. Для транснационализма предметом изучения являются мигранты, которые вовлечены в экономические, политические, социальные и культурные процессы нескольких государств – «живут в двух и более мирах»: даже уехав из страны исхода, такие мигранты всё равно, так или иначе, остаются на прежнем месте жительства (пусть даже символически, ментально).

В теории транснационализма важное место занимает феномен транснациональной идентичности. Это понятие подразумевает под собой наличие одновременно нескольких национальных идентичностей у иммигранта, поскольку он постоянно взаимодействует сразу с двумя сообществами – принимающим и отправляющим – и чувствует свою

принадлежность к обоим. Нормы и ценности, формирующие идентичность мигранта в принимающем и отправляющем сообществе, как правило, противопоставляются друг другу и конфликтуют [41]. Это заставляет мигранта постоянно задумываться, кто он и в качестве кого принимает участие в той или иной ситуации. Мигрантам также необходимо постоянно следить за тем, как они воспринимаются в принимающем сообществе, какое положение они в нем занимают. Важно и то, как в связи с иммиграцией меняется статус мигранта на родине, особенно если свое будущее он связывает с возвращением в страну отправления. Всё это способствует формированию транснациональной идентичности, когда человек отождествляет себя сразу с несколькими сообществами. Однако транснациональная идентичность не является чем-то постоянным, завершённым. Процесс, который начинается, когда мигрант покидает страну своего происхождения, не заканчивается по прибытии в страну назначения. Идентичность транснациональных мигрантов подразумевает постоянный поиск собственной принадлежности и стремление соответствовать требованиям общественного признания.

Поскольку транснациональные мигранты поддерживают тесные контакты с родственниками и друзьями, оставшимися в отправляющем государстве, они расширяют свое жизненное пространство в принимающем государстве за счет трансграничных виртуальных связей. Такая практика приводит к формированию бинарной (транснациональной) идентичности, когда сохраняется изначальная идентичность, связанная со страной исхода, и в изменившихся жизненных условиях и пространстве формируется новая идентичность, относящаяся к принимающему сообществу [42].

Сохранение тесных контактов с родственниками, оставшимися на родине, становится возможным, в том числе благодаря общению в виртуальном пространстве. Поэтому феномен транснационализма тесно связан с цифровизацией миграционных процессов. Причина в том, что цель информационно-коммуникативных технологий и телекоммуникаций – соединять людей, независимо от страны, в которой они находятся – по своей сути является транснациональной. Р. Уринбоев в своем исследовании [43] отмечает, что информационно-коммуникативные технологии позволяют мигрантам и членам их семей, оставшимся в отправляющем государстве, постоянно поддерживать связь. Благодаря смартфонам и социальным сетям узбекские мигранты в Москве получают возможность общаться со своими родственниками, оставшимися в Ферганской области, несмотря на большое расстояние между ними. Более того, современные коммуникационные технологии позволяют создавать «телефонные транснациональные махалли (общины)» в Москве, объединяя мигрантов из одной сельской местности в Узбекистане. При этом основанная на

такой цифровой махалле идентичность влияет на повседневность мигранта, определяет жизненные стратегии его и его семьи.

Современные коммуникационные технологии, в первую очередь, телефонная связь, вообще сильно изменили характер миграции, дав мигрантам возможность постоянно поддерживать связь со своими родственниками. Общение посредством мобильных телефонов стирает национальные границы, создает эффект присутствия мигранта в стране исхода. При этом частота разговоров может сильно отличаться: одни звонят родственникам пару раз в день, другие – пару раз в неделю. Отличаться может и характер такой коммуникации: это может быть обсуждение текущих дел мигранта, выражение привязанности к родственникам или обсуждение финансовых и хозяйственных вопросов в семье. Кроме того, такое поддержание связи с родственниками может быть для мигранта способом отвлечься от проблем в принимающем сообществе [44].

Появляются виртуальные мигрантские сообщества, где мигранты могут адаптироваться к изменившимся условиям жизни, формировать и поддерживать свою идентичность [45]. В таких сообществах формируются цифровые диаспоры – электронные платформы этнических социальных сетей, которые одновременно являются:

- местом встречи с другими мигрантами;
- местом поиска работы и дома;
- электронной средой обитания цифровых мигрантов;
- информационным квазиинститутом со своей иерархией, ценностями и нормами.

Поддержание мигрантами связи со своими семьями в стране отправления посредством информационно-коммуникативных технологий позволяют облегчить последующую миграцию тех, кто пока еще не вовлечен в этот процесс. Это связано с тем, что нынешние мигранты делятся со своими родственниками и знакомыми из страны исхода подробностями о своей повседневной жизни в принимающем сообществе. Эти люди, включаясь затем в миграционные процессы, пребывают в новое сообщество, уже обладая некоторыми необходимыми знаниями, тем самым легче адаптируясь к новой для себя ситуации.

Говоря о жизненных стратегиях среднеазиатских мигрантов, С.Н. Абашин отмечает, что лишь четверть из них планирует навсегда остаться в РФ. Остальные мигранты ориентированы на возвращение домой, что заставляет их поддерживать связи с отправляющим сообществом, а пребывание в России рассматривать исключительно как возможность для заработка. Причем приоритетной задачей для иммигранта является перевод заработанных средств в страну отправления с тем, чтобы по возвращении начать там бизнес, улучшить жилищные условия, оплатить образование детей, организовать

крупное семейное торжество и т.д. Всё это не только позволяет улучшить качество жизни мигранта и его семьи в стране исхода, но и повышает его социальный статус, является демонстрацией успеха [46].

Проведение нескольких десятков глубинных интервью с мигрантами из Киргизии и Таджикистана, вовлеченными в трудовую миграцию в Россию, а также анализ «мигрантских» медиа и социальных сетей, позволил нам сделать некоторые выводы относительно жизненных планов этих людей, перспектив их адаптации к жизни в России и т.д.

(a) Планы на будущее

Вопрос о поведенческих стратегиях центральноазиатских мигрантов – ориентированы ли они на расселение в России, на возвращение в страну исхода, на переезд в другую страну – нуждается в уточнениях. Первое такое уточнение уже сделано социальными антропологами, изучавшими центральноазиатскую миграцию в течение последних полутора десятилетий. Они показали огромный разрыв между планами мигрантов и реальностью, постоянно эти планы корректирующую [47; 48]. Человек может декларировать стремление вернуться на родину, но при этом практически всю жизнь провести в России (не расставаясь, тем не менее, с «мифом о возвращении»). И, напротив, индивиды и семьи, изначально ориентировавшиеся на то, чтобы остаться в России, по разным причинам возвращаются в страну происхождения. Второе уточнение связано с турбулентностью, возникшей после февраля 2022 г.

Наше исследование показало, что никогда еще не было столь большого количества мигрантов, не имеющих сколько-нибудь определенных планов относительно своего ближайшего (и тем более отдаленного) будущего, как в последние полтора-два года. Так, лишь пятеро из двадцати опрошенных таджикских мигрантов сказали, что связывают свою жизнь с Россией, и двое – только с Таджикистаном. Остальные 13 человек допускают самые разные сценарии собственного будущего. Горизонт их планирования не превышает одного-двух лет. В случае выходцев из Кыргызской республики ситуация еще более подвижна. Поскольку законодательство этой страны не предусматривает двойного гражданства, многие киргизские мигранты в прошедшее десятилетие сменили гражданство, получив российский паспорт. Это обстоятельство после сентября 2022 года для мигрантов-мужчин стало означать перспективу быть призванными на военную службу (перспективу, воспринимаемую одними как неизбежность, другими – как нежелательный риск). Один из опрошенных рассказал о своем решении продать бизнес, связанный с грузоперевозками, и вернуться на родину:

«Кыргызов в России на 70% уменьшилось. Я раньше в автопарке работал, они (сослуживцы-соотечественники) рассказывают, что началось давление, у них же у всех есть гражданство, говорят по графику началось давление на них, они не знают, как сорваться, уйти оттуда». *Мужчина, киргиз, 45 лет, бизнесмен.*

Аналогичные реакции продемонстрировали многие другие соотечественники респондента.

«Я ни там, ни здесь. Сейчас туманно будущее, туманно, одиночество достало... Все у меня внутри болит». *Мужчина, киргиз, 38 лет, водитель автобуса, затем таксист.*

«Там было их гражданство, дом и бизнес – в общем хорошая жизнь была, и вдруг из-за мобилизации все пришлось бросить». *Мужчина, киргиз, 44 года, с 2003 года работал садовником, разнорабочим, затем в цеху по производству пластиковых окон, в последние годы – строителем.*

(б) Вопрос об интегрированности

Исследование продемонстрировало, что вопреки расхожим представлениям о непреодолимой культурной дистанции (блокирующей интеграцию среднеазиатских мигрантов в российское общество), эта дистанция на практике достаточно легко преодолевается. Выходцы из Центральной Азии быстро адаптируются к новому окружению, принимая исходящие от принимающей стороны «правила игры». В процессе выработки поведенческих стратегий решающую роль играют инструментально-прагматические мотивы. Императивы сохранения культурно-национальной идентичности не являются основными детерминантами поведения мигрантов.

Три возможные опции (поживем в России, решим насущные проблемы, вернемся; хотели бы вернуться, но жизнь диктует свое; планировали оставаться, но в сложившейся ситуации это стало невозможным) возникают и исчезают (изменяются вместе с обстоятельствами).

Приспосабливаясь к условиям жизни в России, мигранты вырабатывают смешанную идентичность. И если в случае старшего поколения утрата или ослабление связей со страной происхождения переживается как проблема, то в случае молодых когорт («второго» и «третьего» поколения, родившегося и выросшего в России) этот процесс проходит почти автоматически. Поскольку социализация детей мигрантов происходит в русскоязычной школе и – что не менее важно – в русскоязычном Интернете, они не воспроизводят культурную идентичность родителей.

«Если ребенок будет жить в России, то пусть лучше будет русским. Невестка крестила его. Я хотел бы, чтобы он говорил по-таджикски, но, наверное, не получится». *Мужчина, таджик, 58 лет, прораб-дорожник.*

«Дети говорят на русском, хотя мы стараемся дома только по-таджикски говорить. Но они с нами уже и не разговаривают. Сидят в гаджетах. У них уже все по-русски. Они останутся в России». *Женщина, таджичка, 53 года, врач.*

Реальность оказывается богаче и сложнее, чем изначальные представления отправлявшихся в миграцию людей – здесь и смешанные браки, и новая культурная идентификация детей, и обстоятельства материального свойства.

«Жена умерла несколько лет назад, есть дочь. Замужем, детей нет. Не хотят. Она – крутая бизнес-вумен. Муж – дагестанец, тоже в бизнесе. По-видимому, закончу жизнь в Москве». *Мужчина, таджик, 65 лет, доктор исторических наук.*

«Я остаюсь в России, куда я поеду?! У меня в Волгограде дом, хозяйство. Дочь с мужем свой дом строят, сын в Москве. В Душанбе мало что осталось, только мама, сестра, брат и квартира, город снесли, друзья разъехались». *Мужчина, таджик, 58 лет, прораб-дорожник.*

Нам нередко приходилось встречаться и с аргументами культурного свойства. Однако стоит заметить, что зачастую такие аргументы появляются задним числом – как постфактическая рационализация решений, принятых под давлением структурных обстоятельств (отказ в статусе, запрет на въезд, депортация). Так, респондент, вынужденный выехать из России на родину после многолетнего пребывания в эмиграции, говорит об изменении своих планов так:

«Думаю привезти детей в Кыргызстан, в России зарабатываешь больше денег, но там другое становится воспитание детей. Другое, это они становятся как русские. Мы все-таки народ с другим менталитетом, мы мусульмане. В этом плане там дети становятся слабее, русское воспитание, начинаются проблемы с воспитанием». *Мужчина, киргиз, 35 лет, (последняя работа – развозил хлеб по магазинам).*

В ходе интервью мы сделали одно неожиданное наблюдение. Оказывается, существуют мотивации культурного свойства, которые располагают мигрантов (в частности, из Таджикистана) к перемещению на ПМЖ в Россию, а не к возврату на родину: это религиозная свобода, ограниченная в стране происхождения.

«В России мы не испытываем никаких трудностей в отношении к Исламу. В Таджикистане я тоже не увидел никаких для себя проблем в этом плане. Там, где я был, и меня знают, там меня уважают, слава Богу. Мы придерживаемся направления Имама Азама, поэтому нет никаких трудностей. Я в Таджикистане бываю редко и остаюсь на короткое время, не больше 10 дней, и все эти дни приглашают в гости и т.п. Я хочу, чтобы Ислам везде был свободным. Со всеми правилами, требованиями, Ислам должен быть свободен.

Каждый имеет право поклоняться Исламу и воспитывать своих детей по Исламу». *Мужчина, таджик, 63 года, духовный деятель.*

Тем не менее, можно констатировать, что, несмотря на существенный интеграционный потенциал, **фактическая интегрированность центральноазиатских мигрантов в принимающее общество крайне низка.** Для большинства выходцев из этого региона характерна высокая степень изолированности от окружения. Их контакты с местным населением, как правило, ограничены работой.

«У меня нет там друзей... (смеется)... я ни с кем не общаюсь, только с клиентами. Я работаю без выходных». *Женщина, киргизка, 33 года, мастер маникюра.*

«В Москве работал с русскими, когда работал в Подмоскovie, хозяйка была русская, мы с ней хорошо общались. Но серьезно говоря, я там ни с кем близко не общался». *Мужчина, киргиз, 44 г., водитель такси.*

Покидая рабочее место, мигранты оказываются в коммуникационном коконе, имеющем этнонациональную природу. Об этом однозначно свидетельствует и анализ мигрантских чатов в соцсетях. «Свои», которые могут стать членами той или иной группы – это (а) землячество; (б) соплеменники; (в) соотечественники (сограждане)⁶. Общение в таких группах идет, как правило, на родном языке, либо, если используется русский, как-то имеет место в случае с киргизскими мигрантами, с большим количеством вкраплений слов из родного языка.

(в) Отношение к России и русским

Пожалуй, главное, что бросается в глаза, это огромный запас доброжелательства, сохраняющийся вопреки нередким проявлениям ксенофобии со стороны окружения.

«С русскими приятно иметь дело - они честные люди. Они знают свое дело и русские за спиной не обсуждают». *Женщина, киргизка, 33 года, гражданка РФ, проживает в Москве.*

«Я знаю, люди неплохие живут, хорошие там люди, честные». *Мужчина, 58 лет, киргиз, работал в Москве.*

«Мне что в русских нравится, они на тебя вообще не обращают внимания. Они скромные, простые люди». *Женщина, 21 год, киргизка (приехала в Москву сразу по окончании школы).*

⁶ Любопытно, что фактор общего гражданства перевешивает фактор этнической общности. Так, в киргизских группах в соцсетях некоторые участники не являются этническими киргизами (будучи, например, узбеками или таджиками по происхождению). В случае, если такие участники переходят в ходе обсуждения с киргизского на русский, им могут сделать замечание.

А вот несколько комментариев на таджикских форумах в связи эпизодом, попавшим на видео, когда российский полицейский возле мечети в Екатеринбурге помогает опоздавшему к намазу мигранту совершить омовение:

«Везде есть и хорошие, и плохие, уважение к этому человеку.

Ман ҳайрон то ҳозира бадиашонро дидам милисаҳоро боз чи шуд нағзиашонро монданд. Аллоҳ ҳамаашба дар дилашон тавфиқ диҳа. - (Я удивлен, я видел их плохими до сих пор. Что случилось с милиционерами?! Они стали хорошими. Пусть Аллах благословит их всех в их сердцах.)

Спасибо за уважение к Исламу и уважение к людям

Все-таки есть в мире хорошие люди. МОЛОДЕЦ!

Уважение и Поклон таким людям, которые уважают Ислам.

Он получает огромный САВОБ от Аллаха. Савоб это Богоугодный Поступок, который тысячекратно возвращается Богом совершившему такой поступок.

Сохрани Аллах этого Полицейского. Амин».

На форумах таджикских мигрантов нам встретилось немало постов такого рода:

«Хочу обращаться всем мигрантом (орфография и пунктуация сохранены). В общественных местах ведите себя нормально. В транспорте орут по телефону, кричать. Даже такое раздражает местных. Если подойдёшь и попросишь разговаривать по тише, говорят тебе то что? Мы должны тихо вести себя и зарабатывать деньги. Прежде всего приехать сюда, давайте научимся вести себя нормально. Даже в школах нужно вести уроки по этике и диантологии. Не судите. Это моё мнение. Людями нужно оставаться в любом случае и любой стране, тогда и претензий не будет. Многие пренебрегают гостеприимство и забывают, что находятся в гостях».

В интервью с киргизских мигрантами мы нередко наталкивались на своеобразные мифы, циркулирующие в этой среде по поводу их особых отношений с принимающей страной.

«Думаю, русские насчёт кыргызов они хорошего мнения. Ну так как кыргызы и там себя хорошо ведут...Да по сравнению с таджиками, узбеками, армянами (кыргызы) – честные, не обманывают. Вот раньше, если милиционеры забирали кыргызов и таджиков вот если рядом есть таджик, то в первую очередь отпускали кыргыза, а оставляли таджика. Или если там узбек, то отпускали в первую очередь кыргыза. Просто смотрели на паспорт и отпускали. Если кыргызстанский паспорт, то сразу отпускали. Ну, у нас, у кыргызов, есть человечность и не обманывают. Они (русские) ведь тоже это знают. Кыргызы не обманывают». *Мужчина, аноним, 37 лет (отказался сообщать о себе какие-либо сведения, кроме возраста).*

«Образованность наших граждан намного выше, чем узбеков и таджиков. Владение русским это самое главное, это у нас лучше, чем у других, и на более престижных работах работают». *Мужчина, 58 лет, электрик в ЖЭК.*

В то же время в соцсетях можно встретить немалое количество постов и комментариев, полных обиды и разочарования. Триггером обычно выступают не столько проявления ксенофобии со стороны обывателей, сколько действия властей (облавы, применение насилия в полиции и т.д.).

«Когда-то наши деды спасали эту землю от фашистов вот вам благодарность!!!

Нигде так не гонят мигрантов, как в России. Вот где настоящие нацисты.

...и еще придет день и у вас ни то что таджики, не останется никакого народа кроме русских, и посмотрим, что дальше будете делать. Говорят червь если не найдёт еду начинает есть себя».

Особенно много подобных высказываний в таджикских соцсетях (часто на таджикском языке), но после объявления частичной мобилизации в сентябре 2022 такие высказывания не редкость и на киргизских страницах в Интернете. Что касается наших киргизских респондентов, их позиции разделились. На одном полюсе те, кто настаивает на своей лояльности России и на особых отношениях между русскими и киргизами.

«Я же в 18 году приехал, тогда у русских была другая на нас точка зрения. Говорили: понаехали тут. Вообще по-другому относились. Сейчас, я уже три года здесь, тем более война началась, сейчас нас как родственников встречают. Русские по-другому думают, раньше они азиатов почти ненавидели, сейчас любимчики мы у них, до этого говорили, что мы черные, черножопые, а сейчас мы – "лучшие друзья". Захотят – на войну нас заберут. А мы что? Заберут – поедем. Кыргыз живет по законам русских, у кыргызов натура такая, где бы они ни были, они соблюдают законы той страны. Кыргызы – мягкий народ, нежный народ». *Мужчина, 45 лет.*

На другом полюсе – те, у кого сформировалось к принимающей стране устойчиво негативное отношение.

«Русские очень грубые, нацисты. И когда документы оформляли, и на улице – всегда говорят, чего приехали, домой отправляйтесь. Мужчины к нам пристают, нарываються. Но мы на чужбине, вот и сдерживаешь себя». *19 лет, мужчина, был год в Москве, но не нашел постоянной работы.*

Во всех случаях негативные отношения к России, высказанные в ходе интервью (3 из 24 опрошенных), возникло после того, как респонденты столкнулись с неблагоприятными институциональными обстоятельствами (отказ в статусе, вынужденное возвращение на родину из-за нежелания идти в российскую армию).

«У меня нету российского гражданства. Я не хочу получать. Я себя считаю патриотом. Патриот своей родины. Хотя у меня и нация другая, но я люблю свою страну. Свой флаг, свою землю. Я в раю живу. Так что я люблю свою страну, и мне нафиг не нужен их гражданство. Мне нужна ихняя работа и деньги, и все. Больше ничего не надо... Я думаю, что 40-50% инфраструктуры сделали мы - черные. Мы почти всё сделали. А оставшуюся мелочную работу могут сделать и алкаши. А как раз русские они и алкаши. Они и сами могут справиться. Основную чёрную работу мы уже сделали. За эти 30-35 лет мы им уже всё сделали. Теперь мы им не нужны». *Мужчина, 44 года, прошел длительные процедуры получения гражданства вместе со своими взрослыми сыновьями, но после сентября 2022 вся семья вернулась в Кыргызстан.*

«После начала войны стали давить на людей с российским гражданством, под этим предлогом я сейчас нахожусь в Кыргызстане. Сейчас многие делают отказ российского гражданства и берут кыргызстанский паспорт... У меня появилась ненависть к России, я ненавижу Россию даже с исторической точки зрения. Сейчас нету другого выбора – просто, потому что это работа мы туда едем. Глядя на историю, мы узнаем какие пытки русские подвергали кыргызов. Вот поэтому я их ненавижу». *Мужчина, 38 лет, работал в Москве.*

(г) Матримониальные стратегии

Мы зафиксировали положительное отношение к бракам мужчин с россиянками и отрицательное – к бракам женщин с россиянами. Правда, у позитивного отношения к браку мужчины с россиянкой есть одно условие: невеста должна принять ислам. В противном случае одобрения соотечественников такой брак не получит⁷. Если же данное условие соблюдено, жених и невеста могут рассчитывать на самую благожелательную реакцию мигрантской среды.

«Счастье вам молодожены, пусть Аллах вас сбережет. Омин!!!

Невесто умничка, танцует красиво прямо как Памирка)))

какой рус настоящий помирка

Касе ба забони дари тоҷик сухан мекунад ман уро тоҷик хисоб мекунам (Каж-дого, кто говорит на дари-таджикском языке, я считаю таджиком/таджичкой)

Хамеша хушбахту сарбаланд бошед Комрон Анастасия. (Будьте всегда счастливы и высоко держите голову, Комрон и Анастасия)⁸».

⁷ Кроме того, практически по умолчанию нормой считается переезд невесты на родину жениха – то есть россиянки в Таджикистан или Киргизию. Один из наших киргизских респондентов рассказал о своем брате, который, женившись на русской женщине, остался в России. Итог: этот человек «потерян» для рода и семьи; его дети по духу и языку – русские, они не поддерживают связи с родней отца, а сам он приезжает изредка на краткосрочную побывку к родителям и никак не участвует в делах рода.

⁸ Комментарии можно прочитать под видео со свадьбы, выложенном на You Tube: <https://www.youtube.com/watch?v=uGAsN60OisM>.

Мигранты активно поддерживают идею аутентичности нации – предполагается, что аутентичность следует оберегать, и что залогом тому служат женщины. Как правило, при этом высказываются культуралистские аргументы (сохранение национальных традиций), однако встречаются и примеры расово-биологического понимания национальной «чистоты»⁹.

Бросается в глаза, что воспроизводство нарратива культурной чистоты в мигрантской среде «зеркалит» воспроизводство этого нарратива представителями принимающего сообщества. Обеими сторонами артикулируется беспокойство по поводу утраты контроля над «нашими» женщинами. Важно, однако, заметить, что данный нарратив оспаривается. Субъектами оспаривания выступают, во-первых, отдельные молодые женщины, во-вторых, представители «второго поколения» мигрантов. Молодые люди не готовы подстраивать свою семейную жизнь под традиционные (на их взгляд, устаревшие) представления.

Впрочем, нельзя сказать, что на настоящий момент вызов традиционным матримониальным стратегиям представлен сколько-нибудь широко. Пока это скорее отдельные голоса, заглушаемые общим хором приверженцев традиции.

Таким образом, один из главных выводов, сделанных нами в ходе реализации настоящего проекта, можно сформулировать в виде парадокса: для среднеазиатских мигрантов характерна **высокая готовность к интеграции на фоне их фактической социальной изоляции**. Иными словами, налицо весьма значительный интеграционный потенциал этой когорты людей, однако данный потенциал в настоящее время остается нереализованным. Есть основания полагать, что это объясняется скорее социально-структурными, чем культурными факторами. Мотивации инструментально-прагматического свойства явно перевешивают мотивации культурно-идентификационного свойства. Люди перестраивают иерархию своих идентичностей и лояльностей в зависимости от обстоятельств.

⁹ Вопрос специально изучал соавтор данного проекта Дмитрий Тимошкин, проанализировавший огромный массив дискуссий в Интернете с участием россиян и выходцев из Центральной Азии [49].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний день можно говорить о существовании достаточно устойчивой миграционной системы, сложившейся на территории постсоветской Евразии. Эта система выстраивалась с начала XXI в. и пока сохраняется, несмотря на экономическую стагнацию в России последних лет, девальвацию рубля, санкционное давление на российскую экономику, СВО в Украине и другие потенциально негативные факторы. Для жителей Центральной Азии, выбирающих для себя стратегию трудовой миграции, серьезной альтернативы России как государству назначения до сих пор не возникло. Например, в Кыргызстане доля денежных переводов из России составляет порядка 83% от общего объема денежных переводов в страну, похожая ситуация наблюдается и в Таджикистане. Экономика этих двух стран сильнее всего зависит от переводов мигрантов из России. В меньшей степени эта зависимость проявляется в Узбекистане, однако и в этой стране она достаточно велика. В то же самое время и Россия заинтересована в притоке трудовых ресурсов из Центральной Азии – в настоящий момент 83% всех мигрантов в РФ являются выходцами из этого региона.

Стоит отметить, что безальтернативность России в качестве страны назначения для мигрантов из Средней Азии вовсе не является чем-то раз и навсегда данным – в среднесрочной перспективе ситуация вполне может измениться, и некоторые тенденции к этому мы уже наблюдаем. Скажем, уроженцы Центральной Азии в последние годы стали намного активнее искать работу в Европе, которая также остро нуждается в рабочей силе. Если социально-экономическая ситуация в России будет ухудшаться, то все больше граждан Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана станут выбирать для себя иные миграционные маршруты. (Например, для трудовых мигрантов курс рубля является по-настоящему серьезным фактором, ведь основную часть заработанных денег они переводят на родину в валюте, главным образом в долларах). Это станет серьезным ударом для российской экономики в условиях старения населения, длящегося военного конфликта, а также отсутствия каких-либо значимых альтернатив центральноазиатскому региону в качестве экспортера рабочей силы в нашу страну (к примеру, количество мигрантов из других постсоветских стран в России уже драматически сократилось за последние годы). Демографические тренды в России продолжают оставаться негативными – в последние 3 года естественная убыль населения России находится в пределах от 600 тыс. человек (2022) до более чем 1 млн. (2021), и пока не видно условий, за счет которых эта тенденция может переломиться.

Говоря о среднеазиатских мигрантах, оказывается не всегда возможным отделить временную миграцию от долгосрочной – как показывает практика, жизненные стратегии

людей могут существенно меняться с течением времени и те, кто изначально планировал приехать в Россию исключительно на заработки, могут в реальности жить здесь годами; возможна и обратная ситуация (после объявления частичной мобилизации многие уроженцы Центральной Азии, получившие российское гражданство, предпочли вернуться на историческую родину). Если ориентироваться на текущие настроения, то можно отметить, что до начала СВО примерно четверть из живущих в России мигрантов планировала навсегда остаться в РФ [50]. Остальные были ориентированы на возвращение домой. Однако текущая геополитическая ситуация привела к росту неопределенности – никогда еще не было столь большого количества мигрантов, не имеющих сколько-нибудь определенных планов относительно своего ближайшего (и тем более отдаленного) будущего, как в последние полтора-два года.

Сохранение евразийской миграционной системы остается важнейшим фактором реинтеграции России и стран Центральной Азии после распада СССР – именно миграция обеспечила восстановление транспортной инфраструктуры между Россией и странами региона, почти разрушенной в первые годы независимости, миграция во многом способствует сохранению позиций русского языка и русскоязычного образования в Центральной Азии. Серьезная зависимость экономик региона от России влияет на нежелание центральноазиатских элит дистанцироваться от Москвы в текущих геополитических условиях, хотя, как показало проведенное исследование, внутри центральноазиатских обществ (особенно в Казахстане и Киргизии) существует критический настрой в отношении России в связи с конфликтом в Украине: восприятие России как угрозы для безопасности всего евразийского региона, а также боязнь оказаться под ударом вторичных санкций со стороны стран Запада. Вместе с тем Россия до сих пор сохраняет известную привлекательность для жителей Центральной Азии, опережая по уровню позитивного восприятия США, Китай и других важных игроков в регионе. Это же касается и исторической памяти центральноазиатских обществ, в которой, советский период, далеко не всегда считается колониальным. Позитивное отношение к СССР адресуется и России как его преемнице.

Важнейшим сюжетом, связанным с проблемой миграции, является адаптация/интеграция мигрантов. На наш взгляд, роль культурных факторов в этом процессе часто переоценивается. Вопреки расхожим представлениям о непреодолимой культурной дистанции между среднеазиатскими мигрантами и местным сообществом, эта дистанция на практике достаточно легко преодолевается. Выходцы из Центральной Азии быстро адаптируются к новому окружению, принимая исходящие от принимающей стороны «правила игры». Для успешной интеграции мигрантов гораздо важнее оказывается не

усвоение неких (зачастую абстрактно сформулированных) культурных ценностей принимающего сообщества, а легальный доступ к рынку труда и жилья, а также к здравоохранению, наличие прозрачных процедур регистрации, доступность образования для детей и прочие юридические и социально-экономические факторы. Тем более, что, как показали глубинные интервью со среднеазиатскими мигрантами, их поведение вовсе не детерминировано императивами удержания своей культурно-национальной идентичности. Большинство мигрантов руководствуется более прагматичными соображениями успешной адаптации в принимающем сообществе.

Возможности улучшения ситуации с интегрированностью среднеазиатских мигрантов видятся, в первую очередь, в перенастройке сферы начального и среднего образования, которая в настоящий момент не отражает новых демографических реалий. Дети из мигрантских семей зачастую недостаточно хорошо владеют русским языком, однако школьная программа построена таким образом, что этот фактор не учитывается.

Приспосабливаясь к условиям жизни в России, мигранты вырабатывают *смешанную идентичность*. И если в случае старшего поколения утрата или ослабление связей со страной происхождения переживается как проблема, то в случае молодых когорт («второго» и «третьего» поколения, родившегося и выросшего в России) этот процесс проходит почти автоматически. Поскольку социализация детей мигрантов происходит в русскоязычной школе и – что не менее важно – в русскоязычном Интернете, они *не воспроизводят культурную идентичность родителей*.

Несмотря на существенный интеграционный потенциал, фактическая интегрированность центральноазиатских мигрантов в принимающее общество крайне низка. Для большинства выходцев из этого региона характерна *высокая степень изолированности от окружения*. Их контакты с местным населением, как правило, ограничены работой. Среднеазиатские мигранты активно формируют сети взаимопомощи, которые могут различаться по количеству участников, интенсивности общения, форматам взаимодействия. Скажем, они могут существовать в физическом или виртуальном пространстве – в виде страницы во Вконтакте или «Одноклассниках». Сети помогают их участникам легализоваться в стране пребывания, оказывают материальную поддержку в сложных жизненных ситуациях, выполняют функцию социального контроля, решают проблемы со здоровьем (например, речь идет о практиках медицинских консультаций онлайн, к которым прибегают среднеазиатские мигранты, а также о возникновении «мигрантских» клиник на территории России).

Вместе с тем излишняя центрированность на проблеме интеграции упускает из виду тот факт, что многие мигранты, даже годами проживая в России, могут сохранять достаточно тесные связи со страной исхода. Это могут быть связи символические (на уровне идентичности людей, их лояльностей), родственные, экономические и т.д. Сказанное, однако, не значит, что лояльность мигрантов, их жизненные стратегии вовсе не связаны с Россией. На деле мы имеем ситуацию одновременной находимости мигрантов в двух сообществах – стране исхода и стране пребывания. Эта ситуация наиболее адекватно может быть описана с помощью концепции транснационализма. Последний, преодолевая рамки методологического национализма, смотрит на мигранта как на субъекта, обладающего разными идентичностями, принадлежащего в одно и то же время как минимум к двум «воображаемым сообществам». Транснациональные мигранты регулярно пересекают национальные границы, живут и работают в другом государстве, но при этом сохраняют тесные связи с отправляющим сообществом, активно участвуют в жизни родных, оставшихся на родине, создают транснациональные социальные пространства и сети. Этому способствует в т.ч. развитие интернет-технологий (видеозвонки, он-лайн переводы денег и пр.).

БЛАГОДАРНОСТИ

Препринт подготовлен на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2023 год.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Brettell C., Hollifield J.F. (eds.). *Migration Theory: Talking Across Disciplines*. London: Routledge, 2008.
2. Касл С., де Хаас Х., Миллер М.Дж. Век миграции: Международное движение населения в современном мире. М.: Дело, 2022. С.55-94.
3. Ruget V., Usmanalieva B. Social and Political Transnationalism Among Central Asian Migrants and Return Migrants: A Case Study of Kyrgyzstan // *Problems of Post-Communism*. 2011. No. 58(6). P. 48-60.
4. Reeves M. (ed.). *Movement, Power and Place in Central Asia and Beyond*. L.: Routledge, 2012.
5. Abashin S. Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism // *Russian Politics and Law*. 2013. No. 51(3). P. 6-20.
6. Varshaver E., Rocheva A. Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow's Ethnic Cafés // *Urbanities. Journal of Urban Ethnography*. 2018. No. 8(2). P. 42–58.
7. Demintseva E., Kashnitsky D. Contextualizing Migrants' Strategies of Seeking Medical Care in Russia // *International Migration*. 2016. No. 5(54). P.29-42.
8. Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2008. №2.
9. Абашин С. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4.
10. Бредникова О., Ткач О. Дом дляномады // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2010. № 3. С. 72-95.
11. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. (ред.) *Базар и город: люди, пространства, образы*. Иркутск: Оттиск, 2019.
12. Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // *Мониторинг общественного мнения*. 2014. № 3(121). С. 104-113.
13. Деминцева Е.Б. Этнические vs социальные границы: дети мигрантов в школах // *Этнографическое обозрение*. 2019. №2. С. 98-113.

14. Деминцева Е.Б., Кашницкий Д.С. Медицинская помощь мигрантам из Средней Азии в Москве в условиях социальной исключенности // Вестник Российской нации. 2015. №4. С. 214-226.
15. Деминцева Е., Пешкова В. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп weekly. 2014 (5 - 18 мая). С. 597-598.
16. Полетаев Д.В. Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию // Народонаселение. 2018. №4. С. 68-78.
17. Мухаметшина Н.С., Кандауров С.П., Явлин Н.В. Стратегии освоения регионального социума мигрантами из соседних стран. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2015.
18. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М.: Дело, 2021.
19. Бредникова О., Абашин С. (ред.). «Жить в двух мирах»: Переосмысляя транснационализм и транслокальность. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 338-373.
20. Тимошкин Д.О. Мигранты и пространственная маргинальность в городских цифровых медиа (на примере Иркутска) // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. №1.
21. Кузнецов И., Мукомель В. Формирование этнических ниш в российской экономике // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 1 (51). С. 175–184.
22. Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в России в контексте экономического кризиса // Россия в глобальной политике. 31.08.2016. Электронный доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/trudovaya-migracziya-iz-czentralnoj-azii-v-rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa/> (дата обращения: 20.10.2023).
23. Кокоева Н.А. Аналитическая записка по итогам VIII международной конференции «Евразийская миграционная система: актуальные тренды и перспективы развития». 23 декабря 2022 г. М.: РСМД, 2023. С. 6.
24. Мкртчян Н., Флоринская Ю. Миграционный прирост: аномальные показатели // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2019. №12(95). Июль. С. 18.
25. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / Отв. ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
26. Эргешбаев У.Ж. Современная трудовая миграция населения стран Центральной Азии в Россию // Научные ведомости. 2009. №7(62). С. 74-81.
27. Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в России в контексте экономического кризиса // Россия в глобальной политике. 31.08.2016. Электронный

- доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/trudovaya-migracziya-iz-czentralnoj-azii-v-rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa/> (дата обращения: 20.10.2023).
28. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 1.
29. Трудовая миграция из Центральной Азии: постоянно рассчитывать на Россию – ошибочная стратегия // САВАР.Asia. 18.06.2021. Электронный доступ: <https://cabar.asia/ru/trudovaya-migratsiya-iz-tsentralnoj-azii-postoyanno-rasschityvat-na-rossiyu-oshibochnaya-strategiya> (дата обращения: 20.10.2023).
30. Джум’а М. Сколько мигрантов вернулось в Россию за первые три месяца 2022 года? // Asia-Plus. 08.04.2022. Электронный доступ: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20220408/skolko-migrantov-vernulos-iz-rossii-za-pervie-tri-mesyatsa-2022-goda> (дата обращения: 27.10.2023).
31. Козлов А. Количество мигрантов выросло на четверть, несмотря на кризис // Ведомости. 01.07.2022. Электронный доступ: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/06/30/929354-kolichestvo-migrantov> (дата обращения: 20.10.2023).
32. Ульмасов Р. Мигранты из Центральной Азии ищут новые рынки труда в Европе // РСМД. 20.07.2023. Электронный доступ: <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/migranty-iz-tsentralnoy-azii-ishchut-novye-rynki-truda-v-evrope/> (дата обращения: 20.10.2023).
33. Ireland P.[http://disaweb.ub.uu.se/cgi-bin/chameleon?sessionid=2010092318382025586&skin=default&lng=en&inst=consortium&conf=/chameleon.conf&host=disa.ub.uu.se+8044+DEFAULT&search=SCAN&function=INITREQ&SourceScreen=COPVOLSCR&scant1=Ireland patrick&scanu1=1003&elementcount=1&t1=Ireland, Patrick R.&u1=1003&pos=1&rootsearch=SCAN&beginsrch=1](http://disaweb.ub.uu.se/cgi-bin/chameleon?sessionid=2010092318382025586&skin=default&lng=en&inst=consortium&conf=/chameleon.conf&host=disa.ub.uu.se+8044+DEFAULT&search=SCAN&function=INITREQ&SourceScreen=COPVOLSCR&scant1=Ireland%20patrick&scanu1=1003&elementcount=1&t1=Ireland,%20Patrick%20R.&u1=1003&pos=1&rootsearch=SCAN&beginsrch=1) Becoming Europe: Immigration, Integration, and the Welfare State. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2004.
34. Joppke Ch., Morawska E. Integrating Immigrants in Liberal Nation-States: Policies and Practices // Toward Assimilation and Citizenship: Immigration in Liberal Nation-States / Ed. by C. Joppke, E. Morawska. New York: Palgrave-Macmillan, 2003. P. 1-36.
35. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России, 2011. №1. С. 34-50.
36. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015.
37. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / Отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.

38. Деминцева Е.Б., Кашницкий Д.С. Лечиться у "своих", лечить "своих". Роль «киргизских клиник» в жизни среднеазиатских мигрантов в Москве // Жить в двух мирах. Переосмысляя транснационализм и транслокальность. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 338-373.
39. Glick S.N., Bash L., Blanc-Szanton C. (eds.). Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. N.Y.: Annals of the New York Academy of Sciences, 1992.
40. «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. С. Абашина, О. Бредниковой. М.: НЛО, 2020.
41. Петров В.Н., Заславская М.И., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Социальная идентичность в условиях транснациональной миграции: теоретические конструкции социологического исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2022. № 1 (294). С. 112-121.
42. Думнова Э. М. Социокультурная адаптация мигрантов и новые виды идентичности // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 2. С. 111-116.
43. Уринбоев Р. Создание «узбекского махалля» посредством смартфонов и социальных медиа: повседневная транснациональная жизнь узбекских мигрантов в России // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. С. Абашина, О. Бредниковой. М.: НЛО, 2020. С. 442-481.
44. Касымова С. Трансграничная коммуникация или мобильная связь в повседневной жизни семей таджикских трудовых мигрантов // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. С. Абашина, О. Бредниковой. М.: НЛО, 2020. С. 482-515.
45. Бразевич С.С. Концепция транснациональной и транслокальной миграции как релевантная теоретическая рамка для анализа «цифровизации» этнических сетей мигрантов // Телескоп. 2022. №3.
46. Абашин С.Н. Интеграция vs транснационализм: миграционные стратегии жителей Центральной Азии // Пути России. Война и мир: материалы XXII Международного симпозиума. – 2015. С. 203–220.
47. Бредникова О. (2017) (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? Этнографическое обозрение, 3: 32–47.
48. Абашин С.Н. (2016) И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе:

- трансграничные миграции и диаспоры / С. Панарин (ред.). СПб: Нестор-история, 2016. С. 159-176.
49. Тимошкин Д. Национализм, чистота и опасность: «crossbourder intimacy» в российских цифровых медиа // Социологическое обозрение. 2023. Т.22. № 2. С.154-178.
50. Абашин С.Н. Интеграция vs транснационализм: миграционные стратегии жителей Центральной Азии // Пути России. Война и мир: материалы XXII Международного симпозиума. – 2015. С. 203–220.

**В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ